
ПРЕДФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И ГРЕЧЕСКАЯ ПРЕДФИЛОСОФИЯ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕГИПТОЛОГИИ И АНТИКОВЕДЕНИИ

В.В. Жданов

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются несколько моделей сравнительного анализа древнегреческой пред-философской мысли и предфилософии Древнего Египта, разрабатывающихся в рамках современной западной египтологии и антиковедения. Особое внимание как представляющим наибольший интерес с историко-философской точки зрения уделено попыткам сопоставления фундаментальных для древнегреческого и древнеегипетского мировосприятия мифологем «Дикэ» и «Маат» соответственно, а также вопросу о возможности египетских заимствований в творчестве Гесиода.

Ключевые слова: предфилософия, Маат, Дикэ, Метис, Гесиод, теогония, царская идеология, мифология.

Вопрос о влиянии, которое оказала культура Древнего Египта на сложный и длительный процесс зарождения и формирования древнегреческой цивилизации, был предметом активного обсуждения европейских интеллектуалов еще задолго до официального «рождения» египтологии в 1822 г.; в известной степени мы можем говорить о таком обсуждении уже во времена поздней античности. В последние два столетия эта тенденция также прослеживается весьма четко — в первую очередь, с позиций сравнительно-культурологического и религиоведческого анализа; между тем с позиции истории философии эта чрезвычайно любопытная, а потому и не менее перспективная с точки зрения своих результатов тема гораздо реже привлекала к себе внимание исследователей — как собственно историков философии, так и специалистов-востоковедов и антиковедов.

Одну из ярких попыток такого рода предпринял в середине 80-х гг. XX в. американский египтолог-религиовед В.А. Тобин, сопоставив фундаментальную для всего древнеегипетского мировосприятия категорию «Маат» («миропорядок—справедливость—истина») с древнегреческой мифологемой «Дикэ» (правда, истина) [13. Р. 113—121].

По его мнению, представления о Маат в древнеегипетской предфилософии и о Дикэ в предфилософии Древней Греции объединяют две общие детали: трактовка обеих категорий как обозначений сакрального космического (или мирового) порядка, важнейшим из частных воплощений, своего рода «вариаций» которого является этическая категория справедливости, и персонификация каждой из них посредством соответствующей богини в традиционном пантеоне, дающая, в свою очередь, устойчивую укорененность представлений о Маат и Дикэ не только в собственно предфилософском, но также и в религиозном и мифологическом сознании.

Что же касается фундаментальных различий между этими двумя категориями, то их, по мнению, В.А. Тобина, также две.

Во-первых, «функциональные» характеристики категории «Маат» очень тесно связаны в сознании египтян с фигурой правителя, который выступает в первую очередь в качестве хранителя Маат на земле, гаранта ее осуществления (в качестве социальной справедливости). Эта особенность, по его мнению, совершенно не характерна для трактовки категории «Дикэ» в эллинской духовной культуре, где представления о ней практически никак не связаны с деятельностью и кругом обязанностей добродетельного правителя.

Второй важнейшей «демаркационной линией» между Маат и Дикэ является диаметрально противоположный характер интерпретации этих категорий в качестве справедливости как морально-нравственного понятия: если Маат в своем этическом аспекте интерпретируется в египетской дидактической литературе преимущественно как справедливость созидательного характера, служащая основой для социальной солидарности людей и осуществления помощи нуждающимся в ней (в том числе посредством государственного аппарата во главе с царем — хранителем Маат на «земле живущих»), то Дикэ практически неизменно предстает в греческой мифопоэтике как справедливость карающая, наказывающая отступников и нарушителей порядка.

Здесь В.А. Тобин вполне резонно отмечает, что если в египетской традиции формула «давать Маат» (или «творить Маат») выступает в качестве синонима помощи нуждающемуся или другого морально значимого поступка, то в древнегреческой традиции выражение «давать Дикэ» является синонимом наказания, кары (1).

От себя отметим, что трактовка Дикэ именно как карающей, наказывающей справедливой силы, в самом деле, чрезвычайно характерна для греческой предфилософской и раннефилософской мысли; одним из ярчайших примеров такого рода можно считать известный фрагмент Гераклита о Дикэ, наступающей лжецов и лжесвидетелей (Marcovich 19 = 28b DK) (2).

Несколько иной вариант подхода к этой проблеме предложил несколько позже Я. Ассман, впервые изложивший основные результаты своих изысканий по данному вопросу в монографии «Маат: праведность и бессмертие в Древнем Египте» (1990 г.; второе издание — 1995 г.), а затем воспроизведя их в ряде своих более поздних работ.

С точки зрения немецкого исследователя, частично опирающегося здесь на сформулированную еще Э. Кассирером концепцию о глубокой смысловой взаимосвязи между категориями «космос» и «справедливость», совершенно неприемлемой оказывается всякая трактовка Маат как справедливости, осуществляемая с позиций греческого мировосприятия, к числу многочисленных сторонников которой Ассман относит многих своих предшественников, в частности, Г. Франкфорта.

По мнению Ассмана, понятие «космос» вообще не может быть применимо по отношению к определению базовых характеристик египетского восприятия окружающего мира, так как его природа вступает в крайнее противоречие со свойством «процессуальности», своего рода «непрерывности творения», которое и составляет, по мнению исследователя, основу всей египетской трактовки мира как единого универсума. «Египетские боги не только находятся в мире, но и сами суть мир» [3. S. 35].

Следовательно, важнейшей чертой египетской картины мира выступает идея постоянного поддержания демиургом однажды установленного миропорядка перед лицом непрекращающихся атак разрушительных сил хаоса и мрака — поддержания, олицетворяемого в древнеегипетской мысли формулой «творить Маат» (*urem Maat*), хорошо известной в египетской дидактической литературе уже со времен «Поучения царю Мерикаре» (3).

Таким образом, полагает Я. Ассман, подобное мировосприятие вступает в коренное противоречие со статичными, неизменными характеристиками категории «космос» в древнегреческой духовной культуре и, следовательно, обнаружить общие точки соприкосновения между древнеегипетской и древнегреческой космологиями оказывается отнюдь не так просто, как полагает, например, тот же В.А. Тобин. С точки зрения немецкого исследователя, в результате оказывается гораздо корректнее (и значительно продуктивнее с точки зрения возможного компаративистского исследования) соотносить категорию «Маат» не с древнегреческой Дикэ, а с древнеиранской мифологемой «Аша» («истина») либо с русским словом «правда» [3. S. 18].

Еще одну попытку соотнесения древнеегипетской категории «Маат» с соответствующими мифологемами древнегреческой предфилософской мысли относительно недавно предприняли К.А. Фараоне и Э. Титтер. В рамках своего сравнительно-исторического исследования [9. P. 177—208] они выдвинули предположение о том, что, исходя из целого ряда формальных и содержательных особенностей, вполне возможным оказывается соотнесение образа древнеегипетской богини Маат с древнегреческой богиней Метис, дважды упоминаемой Гесиодом в его «Теогонии» в качестве первой супруги Зевса, принимавшей участие в его коронации («Теогония», 886—900 и фрагмент 343. 4—15 Merkelbach-West [11. P. 171—172] (также воспроизводимый Хрисиппом (фрагмент 908)).

По мнению исследователей, существуют как формально-стилистические, так и концептуальные основания для подобного соотнесения.

К первым К.А. Фараоне и Э. Титтер относят факт определенного созвучия между египетским существительным «Маат» и именем собственным древнегреческой богини Метис, что, по их мнению, вполне может служить свидетельством заимствования Гесиодом данного божества с целью включения его в структуру своей теогонической концепции.

Важнейшим же свидетельством второй группы, позволяющим говорить о возможности наличия египетского влияния в данном аспекте творчества Гесиода, является, по их мнению, излагаемый в посвященной истории поколений олимпийских богов части «Теогонии» (886—900) сюжет о том, как Зевс в качестве верховного божества не только утвердил богиню Метис в статусе своей первой супруги, но также и закрепил за ней функцию установления моральных норм, а именно определения границ добра и зла как морально-этических категорий (4). Здесь К.А. Фараоне и Э. Титтер делают попытку провести аналогию между Зевсом как «владыкой Метис», с одной стороны, и чрезвычайно характерной для египетской солярной религии дефиницией Солнечного бога как «владыки Маат» — с другой, приводя в качестве примеров как официальную царскую титулатуру, так и соответствующие формулировки в религиозных текстах, в частности, оп-

ределение Амуна-Ра как «владыки Маат» в соответствующем пассаже Каирского гимна Амуну-Ра эпохи Нового царства (папирус Булак 17).

При этом авторы исследования особо подчеркивают не просто факт возможной сравнительно-исторической аналогии между Маат и Метис, но и то, что «миф о Метис и Зевсе наиболее вероятно происходит — прямо или косвенно — от египетской царской идеологии» [9. Р. 178].

По мнению исследователей, речь в данном случае должна идти, в первую очередь, о царской идеологии начала эпохи Нового царства, выраженной, в частности, в Каирском гимне Амуну-Ра как одном из важнейших памятников теологической мысли этого периода; именно в данном аспекте следует рассматривать указываемые ими параллели между мифологическими образами Амуна-Ра как «бога-царя» (*несу(т) нечер*), «владыки Маат» (*неб Маат*) и богиней Маат, с одной стороны, и Зевсом и Метис — с другой.

Впрочем, между этими мифологемами существуют, с точки зрения авторов статьи, и некоторые различия как формального, так и содержательного характера: в первую очередь, это значительно более явная связь египетской концепции Маат с идеологическими (в том числе и с политическими) аспектами мифологического дискурса, тогда как образ Метис у Гесиода лишен столь ярко выраженной «идеологической» окраски, существуя, главным образом в рамках и в контексте не собственно мифологического, но литературного нарратива (5).

Продолжая тему различий между Маат и Метис, отметим также, что в древнеегипетской мифологии невозможно обнаружить хотя бы отдаленного аналога гесиодовского сюжета о последующем уничтожении (съедении) Метис Зевсом; напротив, богине Маат, что называется, по определению абсолютно ничего не угрожает со стороны Солнечного бога, а более точно — Ра, в качестве дочери которого она традиционно выступает. Реальная же угроза для нее традиционно исходит от ее антиподов — лжи (*герег*), несправедливости (*джу(т)*) и, конечно же, от хаоса, или беспорядка (*исефет*), одной из наиболее ярких мифологических персонафикаций которого является гигантский змей Апоп (Апопи), и именно с ним Солнечный бог — отец и владыка богини Маат — еженощно вступает в смертельную схватку, дабы оградить установленный им в универсуме порядок от разрушительного натиска сил ночного мрака [2].

Более того, в заклинании № 80 «Текстов саркофагов», важного источника гелиопольской солярной теокосмогонии эпохи Среднего царства, Нун, первобытный мировой океан, в котором Солнечный бог (в данном конкретном случае — Атум, воплощение вечернего (заходящего) Солнца) изначально пребывает до своего прихода в сознание, в ответ на жалобу последнего об усталости, охватившей его за время нахождения в бездеятельном и инертном состоянии, дает ему дельный совет: приложить к собственному носу свою любимую дочь Маат (отождествляемую здесь с богиней влаги Тефнут), дабы, таким образом, набраться сил и избавиться от «усталости великой».

Это же заклинание «Текстов саркофагов» неоднократно подчеркивает идею особой взаимосвязи Солнечного бога (Атума) с первой парой порожденных им божественных детей — Шу (отождествляемым здесь с «Жизнью») и Тефнут (Ма-

ат), и совершенно очевидно, что судьба Метис в данном случае никак не может грозить богине Маат.

Наконец, в последние два десятилетия в трактовке проблемы генезиса древнегреческой культуры и философии зарубежном антиковедении в числе других весьма явственно обозначилось чрезвычайно радикальное по своим методологическим основаниям и характеру исследования «ориенталистское» направление, некоторые представители которого, порой балансируя на грани историко-культурной и историко-философской компаративистики с одной стороны и фактически основанного на сознательной фальсификации фактов околонучного подхода к предмету исследования — с другой, начисто лишают процесс генезиса греческой философской мысли каких бы то ни было автохтонных оснований, полностью сводя его к рецепции древнеближневосточных предфилософских концепций, в том числе и древнеегипетских. Именно к числу подобных исследовательских парадигм относится концепция М. Бернала [4—7].

В частности, в увидевшей свет в 1991 г. второй части серии своих скандально известных монографических исследований под общим названием «Черная Афина» британский исследователь предпринимает попытку продемонстрировать возможность культурных влияний и заимствований между Египтом эпохи Среднего царства и греческими областями Беотией и Пелопоннесом уже в конце III тыс. до н.э., особое внимание акцентируя при этом на гипотетических культурных контактах Египта и архаической Греции в период царствования второго царя XII династии Сенусерта I (1956—1911 гг. до н. э.).

Наконец, на страницах третьего тома, вышедшего в свет в 2006 г., М. Бернал пытается продемонстрировать этимологическую и содержательную связь между египетским существительным «Маат» и раннегреческой мифологемой «Мойра», чрезвычайно характерной, в частности, для гомеровского эпоса [7. Р. 269—271]. Кроме того, здесь же он соотносит с гипотетическими греческими аналогами целый ряд категорий древнеегипетской мысли, в частности, глаголы *сенечер* («делать божественным») — это, в свою очередь, каузатив весьма распространенного в египетских религиозных (и не только) текстах глагола *нечер* («быть божественным»), *себа* («учить»; производным от этой египетской корневой глагольной основы является, по мнению М. Бернала, ни много ни мало греческое существительное «софия») и *хенер* («появляться», «воссуществовать»), а также существительное *меду* («слово»).

Намеренно не останавливаясь здесь на частных (в первую очередь, сравнительно-лингвистических) особенностях методологии данной концепции, отметим лишь, что, с нашей точки зрения, она представляется гораздо более спорной и уязвимой (в первую очередь в историко-философском аспекте), нежели три предыдущие сравнительно-исторические модели.

В частности, разумеется, нельзя совершенно сбрасывать со счетов занимающий столь важное положение в концепции британского исследователя исторический факт существования культурных контактов между Египтом и архаической Грецией уже во времена царствования XII династии (на которые, напомним, приходится наивысший расцвет египетской культуры эпохи Среднего царства), но все же совершенно очевидно, что контакты эти не могли носить постоянного характе-

ра, являясь, как правило, лишь своего рода «частными эпизодами»: подавляющее большинство современных исследователей вполне справедливо полагают, что установление постоянных (а не периодически-случайных) культурных контактов между Египтом и Грецией относится лишь к VII в. до н. э., когда в царствование XXVI (саисской) династии в долине Нила появляются первые греческие колонии-поселения, и происходит это без малого на 1300 лет позже того периода, о котором пишет в своих работах М. Бернал.

Важно отметить также, что этот период в истории древнеегипетской духовной культуры, часто именуемый в современной историографии как «Саисское возрождение», стал для нее эпохой своеобразной «архаизации», тяги к воспроизведению культурных, религиозных и политических идеалов «века пирамид» эпохи Древнего царства, выступавшей в качестве основного культурного ориентира. Конечно же, сам факт того, что более поздняя греческая доксография неоднократно «отправляла» в Египет с целью постижения научных знаний либо просто в целях удовлетворения своего личного интереса и любопытства весьма значительное число доксографиков (в первую очередь, разумеется, Фалеса и Пифагора) вкупе с очевидным фактом наличествования значительного числа «египтизмов» в творчестве Платона, особенно в его онтолого-космологической концепции, априори являлся одним из самых мощных стимулов развития «ориенталистской» или (в качестве ее варианта) «афроцентристской» линии в современном антиковедении, но все же факт определенного рода культурно-исторических «натяжек», зачастую совершенно бесосновательных, на наш взгляд, в концепции М. Бернала налицо.

Впрочем, даже несмотря на упомянутые выше недостатки, данная концепция точно так же, как и упомянутые ранее, представляет собой весьма примечательный образец неуклонно возрастающего в последние десятилетия интереса современного антиковедения и сравнительной культурологии к проблеме определения возможности египетских заимствований в древнегреческой культуре в целом и в раннегреческой философской мысли в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Это, однако, не означает, что в египетской дидактической литературе вообще не встречаются упоминания о Маат как о «карающей справедливости»; несмотря на относительную редкость подобного рода дефиниций, они все же присутствуют в ней; в числе наиболее известных следует упомянуть трактовку Маат в аспекте соотношения ее с законами, карающими нарушителей, даваемую в «Поучении Птаххотепа» (Ptahhotep; 6,5: «*Велика Маат, (и) постоянна действенность ее; не изменялась она со времени Осириса, (и) карают претупающего законы*»), известнейшем памятнике дидактической литературы периода правления VI династии.
- (2) Русский перевод см. в [1. С. 197].
- (3) «Твори Маат, и долог будет твой век на земле» (Merikare, 46—47).
- (4) В качестве комментария к данному выводу авторов исследования отметим, что, с нашей точки зрения, в вопросе о «функциональном» соотношении между Зевсом и Метис, помимо упоминавшихся выше фрагментов «Теогонии» Гесиода, также возможно рассмотрение этого вопроса применительно к тексту обнаруженного в 1962 г. так называемого «Папируса из Дервени», содержащего одну из оригинальных ранних версий орфической теогонии. Более подробно об этом см. в [10. S. 1—12; 8. P. 162—163].
- (5) Отметим здесь также, что еще один достаточно примечательный и весьма перспективный с точки зрения возможных компаративистских исследований древнеегипетской ми-

фологии, с одной стороны, и модели теогенеза, выстраиваемой в «Теогонии» Гесиода — с другой, пример сравнительно-исторического исследования был продемонстрирован М. Ригользо, которая не без оснований проводит ряд существенных параллелей между образом Афины в гесиодовской «Теогонии» и древнеегипетской богиней Нейт, мотивируя историческую реальность подобного рода заимствования тем, что именно к периоду правления XXVI (саисской) династии, при царях которой культ Нейт приобретает государственную поддержку, относятся первые постоянные контакты между египтянами и греками, выражавшиеся, в частности, в появлении именно в этот период первых эллинских поселений на территории Дельты. Более подробно об этом см. в [12. P. 51—71].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — Ч. 1.
- [2] *Жданов В.В.* «Папирус Бремнер-Ринд» — памятник древнеегипетской теокосмогонии // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2007. — № 2. — С. 75—79.
- [3] *Assmann J.* Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Älten Ägypten. — München, 1990.
- [4] *Bernal M.* Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilisation. — Vol. I. The Fabrication of Ancient Greece 1785—1985. — New Jersey, 1987.
- [5] *Bernal M.* Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilisation. — Vol. II. The Archaeological and Documentary Evidence. — New Jersey, 1991.
- [6] *Bernal M.* Black Athena Writes Back. — L., 2001.
- [7] *Bernal M.* Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilisation. — Vol. III. The Linguistic Evidence. — New Jersey, 2006.
- [8] *Betegh G.* The Derveni Papyrus. Cosmology, Theology and Interpretation. — Cambridge, 2006.
- [9] *Faraone C.A., Teeter E.* Egyptian Maat and Hesiodic Metis // *Mnemosyne*. — 2004. — Fourth Series. — Vol. 57. — Fasc. 2.
- [10] *Habelt R.* Der Orphische Papyrus von Derveni // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. — 1982. — Bd. 47.
- [11] *Merkelbach R., West M.L.* Fragmenta Hesiodica. — Oxford, 1967.
- [12] *Rigoglioso M.* The cult of divine birth in Ancient Greece. — New York, 2009.
- [13] *Tobin V.A.* Ma'at and Dike: Some Comparative Considerations of Egyptian and Greek Thought // *Journal of the American Research Center in Egypt*. — 1987. — Vol. 24.

EGYPTIAN AND GREEK PRE-PHILOSOPHICAL THOUGHT: AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS IN THE MODERN FOREIGN EGYPTOLOGY AND CLASSICAL STUDIES

V.V. Zhdanov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on some philosophical aspects of comparative analysis of ancient Egyptian and Greek thought, such as a question of the possibility of Egyptian influence in Hesiod's "Theogony" and attempts of the historical and philosophical analysis of categories "Maat" and "Dike" in modern Egyptology and Classical Studies, particularly in the papers of V.A. Tobin, J. Assmann, C.A. Faraone, E. Teeter, M. Bernal.

Key words: pre-philosophy, Maat, Dike, Metis, Hesiod, theogony, royal ideology, mythology.